

С.И. Марахонова

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЯПОНОВЕДА С.Г. ЕЛИСЕЕВА В ПАРИЖЕ (1957–1975)

В январе 1955 г. директор Института Гарвард-Яньцзинь и заведующий отделением дальневосточных языков Гарвардского университета Сергей Григорьевич Елисеев достиг 66 лет – возраста выхода в отставку в США. Но ввиду больших заслуг перед Гарвардом и хорошей физической формы ему было позволено задержаться на службе ещё на некоторое время. В августе 1956 г. С.Г. Елисеев передал пост директора Института Гарвард-Яньцзинь своему бывшему ученику Э.О. Рейшауэру, но остался преподавать в университете до конца академического года. Его контракт в Гарварде, согласно документам, заканчивался 30 июня (либо 31 октября) 1957 г.

В августе 1957 г. С.Г. Елисеев с супругой вернулись во Францию, от гражданства которой не отказались во время своего пребывания в США, и продолжали оставаться её гражданами до конца жизни. Когда С.Г. Елисеев уезжал из Франции на преподавательскую работу в Америку, ему было разрешено не подавать в отставку со своего постоянного места работы в Практической школе высших исследований. «Это устраивало всех, так как сохраняло мою кафедру неприкосновенной, сохраняло за мною право на пенсию и позволяло назначить вместо меня временного заместителя. Лекции были предложены Агеноэру¹», – писал Елисеев².

Сначала учёный был командирован в Гарвард с целью преподавания на шестимесячный срок, начиная с 1 ноября 1934 г. Позднее командировка была продлена на год, а потом она продлевалась каждые пять лет вплоть до 1956 г. и затем до 31 октября 1958 г. (по другому документу – до 30 сентября 1958 г.)³.

Все 23 года своего отсутствия во Франции Елисеев числился пребывающим в командировке в США для преподавания ординарным профессором 5-й секции Практиче-

ской школы высших исследований при Сорбонне (без зарплаты и преподавания). В Практической школе Елисеев оставался профессором третьего класса с ноября 1932 г., с 1 января 1938 г. профессором второго класса, а с 1 января 1943 г. и далее – профессором первого класса⁴. Такое положение давало учёному возможность сохранить своё прежнее место работы и претендовать в дальнейшем на французскую пенсию. Ежегодно он делал отчисления в размере 6% от жалованья в счёт будущей пенсии.

Однако получить прежнее место работы оказалось не так просто. Согласно документам Практической школы, Елисеев находился в командировке в США до осени 1958 г., хотя контракт его с Гарвардом заканчивался в 1957 г. Таким образом, почти полтора года ему было трудно претендовать на возвращение на прежнее место. Тем не менее Елисеев обратился в Министерство национального образования с просьбой разрешить ему возобновить чтение курсов в Практической школе уже в 1957–1958 учебном году.

В соответствии с французскими правилами вернувшийся из официальной командировки преподаватель в обязательном порядке должен был быть восстановлен в той же должности, которую он занимал до отъезда, при первой же вакансии. Елисеев в дальнейшем рассчитывал вернуться на своё место в 5-й секции Практической школы, однако оно продолжало оставаться занятым Ш. Агеноэром. Вот что писал президент 5-й секции, известный религиовед А.Ш. Пюэш (Puech), профессор Коллеж де Франс (Collège de France), министру национального образования, молодежи и спорта 23 декабря 1958 г.: «Господин Министр! В ответ на Ваше письмо от 5 декабря 1958 г. относительно восстановления г-на Елисеева и в подтверждение моего письма от 16 сентября 1957 г. имею честь сообщить следующее: Я

не представляю, как предусмотреть восстановление Елисеева, т.к. вакансия отсутствует, а единственное место преподавания, которое можно было бы ему предложить – история религий Японии, давно уже занято Ш. Агеноэром»⁵.

Из документов также явствует, что отношения С.Г. Елисеева с администрацией Практической школы и с коллегами были прохладными, и встречен он был довольно недружелюбно. Так, в своём письме министру национального образования от 14 мая 1953 г. президент 5-й секции оказывается не в состоянии предоставить об учёном самые простые сведения, необходимые министру: дату и место рождения С.Г. Елисеева и его адрес. И мотивирует он это тем, что не поддерживает ни малейших отношений с Елисеевым и не знает не только его нынешней ситуации в США, его дальнейших намерений, но и самого адреса. Он также пишет, что «коллеги сочли обстоятельства отъезда ученого из Практической школы неприятными»⁶.

Очевидно, по какой-то причине сам Елисеев не поддерживал контакты со своим прежним местом службы, и там ничего не знали о нём. В более раннем письме министру от 7 января 1952 г. Пюэш ещё более категоричен: «Елисеев уже давно не относится к персоналу нашей секции... Попытки его восстановления делаются вопреки консультациям с Бюро секции, которое полагает, что Елисеев не имеет к ней никакого отношения»⁷. Складывается впечатление, что дело тут не просто в реальном отсутствии вакансии, но и в нежелании принять Елисеева к себе. Такое отношение к учёному напоминало ту недоброжелательную атмосферу французского научного сообщества (за исключением профессиональных востоковедов, высоко ценивших своего коллегу), которая не хотела принимать русского эмигранта в начале 1920-х годов. В данном случае могла иметь место и зависть к более успешному учёному, прославившемуся в США. Один из японских знакомых Елисеева замечал, что французские японоведы по приезде Елисеева из США стеснялись с ним

общаться из-за его блестящего знания японского языка⁸.

С одним из документов, датированных летом 1957 г., во время устройства Елисеева на работу в Практическую школу, произошёл казус. Сергей Григорьевич Елисеев значился в качестве профессора-совместителя в 6-й секции Практической школы и профессора Школы Лувра, хотя на самом деле эти должности занимал его младший сын Вадим Елисеев⁹.

Приказом министра национального образования с 1 октября 1957 г. Серж Елисеев был восстановлен в числе преподавателей Практической школы высших исследований, но прежнего статуса не получил. В документах от 7 мая и 8 сентября 1958 г. он значится как дополнительный преподаватель либо как ординарный профессор без жалования. Лишь с 1 января 1959 г. учёный вновь становится ординарным профессором первого класса. Об этом гласит приказ по Министерству национального образования от 25 апреля 1959 г.¹⁰ Всё же его не смогли устроить в 5-ю, религиозную, секцию Практической школы из-за отсутствия вакансии, и ему было предложено место в 6-й, которая специализировалась на истории современной Японии. Учёный ответил согласием.

Теперь один раз в неделю Елисеев читал лекции по истории Японии и зарабатывал 114000 франков. Один из последних учеников С. Елисеева, Поль Акамацу, в некрологе учителя писал, что его лекции и семинарские занятия были посвящены истории периода Токугава (1603–1868 гг.), которую он иллюстрировал и комментировал с помощью произведений Ихара Сайкаку¹¹ и Рютэй Танэхико¹². Кроме того, учёный рассматривал экономическую жизнь Японии в XV–XVI вв. на примере истории расположенного к югу от Осака города Сакаи, который сыграл большую роль во внешней торговле Японии как крупный порт. Он изучил также и последние годы могущества этого города, связанные с историей рудников в XVII–XIX вв., привлекая, с одной стороны, документы эпохи Эдо¹³, а с другой – используя рассказ Нацумэ Сосэки «Шахтёр»¹⁴.

О работе С.Г. Елисеева упоминает и его старый друг, живший в Японии русский японовед Орест Викторович Плетнер (1892–1970), в своём письме японоведу Николаю Иосифовичу Конраду (1891–1970) в Москву от 8 января 1959 г.: «Елисеев как будто возобновил свои две-три лекции в неделю»¹⁵.

В Практической школе высших исследований С.Г. Елисеев вышел на пенсию с 1 октября 1959 г.¹⁶, но ещё какое-то время продолжал работать. П. Акамацу писал, что Елисеев оставил работу в 1964 г. в связи с серьёзной болезнью «и после этого замкнулся в себе»¹⁷.

Возможно, что учёный вёл часы также на курсах в Школе живых восточных языков. В письме О.В. Плетнеру предположительно за 1968 или 1969 г. С.Г. Елисеев упоминал это учебное заведение вот в какой связи: «В большинстве университетов лекции начались в начале декабря. В *École des Langues Orientales* всё ещё не могут наладить курсов и занятия не начались...»¹⁸.

Печатался Елисеев уже мало. Существуют лишь две его небольших статьи – о формировании библиотеки Института Гарвард-Яньцинь¹⁹ и его воспоминания о детстве, проведённом в купеческой семье в России²⁰. В двух других публикациях – о творчестве японского художника XIX в. Хиросигэ²¹ и о древней буддийской живописи²² – он был автором предисловия. Елисеев написал небольшую заметку о преподобном Антуане Мостэре и составил библиографию его работ²³. Однако существует одна работа, заслуживающая особого внимания. В 1961 г. тремя выпусками в серии «Общая история литератур» вышел в свет его обширный очерк «Японская литература»²⁴. Это довольно большая работа (около сотни страниц стандартного формата), итог занятий Елисеева японской литературой. В широком культурно-историческом контексте Сергей Григорьевич рассматривал становление и развитие литературы в Японии с VIII в. и заканчивая несколькими десятилетиями после 1945 г. Между этим трудом и первым очерком «Японская литература» на русском языке за 1920 г. пролегла вся жизнь учёного...

Имя выдающегося японоведа Сергея Елисеева было не просто хорошо известно в Японии. В некрологе С.Г. Елисеева американский учёный, скрывшийся за инициалами G.W.V. (очевидно, Glen W. Baxter – С.М.), отмечал, что благодаря тому, что С.Г. Елисеев был первым западным студентом и первым западным выпускником Токийского Императорского университета и ввиду его знакомства с такими выдающимися деятелями науки и культуры, как Нацумэ Сосэки²⁵, Нагаи Кафу²⁶ и Уэда Маннэн²⁷, русский учёный стал в Японии (да и везде) своего рода легендой²⁸. Японцы относились к нему с большим уважением и почтением, и многие японские интеллигенты желали с ним познакомиться.

В 1972 г. с С.Г. Елисеевым беседовал японский журналист Курата Ясуо, позднее составивший его жизнеописание²⁹. Садатака Мурамацу был последним из японцев, кто видел С.Г. Елисеева. Это произошло в Париже в 1974 г.³⁰.

Здоровье С.Г. Елисеева, по словам О.В. Плетнера, долгое время было «завидным»³¹. Однако в начале 1960-х гг. он заболел и в 1962 г. (или 1964 г.) вынужден был отойти от дел. Вскоре он мог передвигаться только в инвалидной коляске. Тем не менее, даже в 75-летнем возрасте, Серж Елисеефф всё ещё живёт деятельной общественной жизнью, занимающей всё его время. В этой связи интерес представляет выдержка из письма Н.И. Конрада О.В. Плетнеру от 30 апреля 1964 г.: «Была у меня особая радость: получил, наконец, письмо от Сергея Григорьевича – в ответ на моё приветствие в связи с его 75-летием. Очень милое, дружеское письмо. Он пишет, что общественная жизнь у него настолько занимает его время, что ему часто просто не до писем. Судя по письму, он вполне здоров и живёт весьма деятельной жизнью. Давай ему Бог так и дальше»³².

Елисеев много читал научной литературы, в частности, работы своего советского коллеги Н.И. Конрада: «Прочёл Ваши статьи в Вашей книге “Запад и Восток”»³³. Читал много японских современных романов, которые приносил один из его учеников, вёл

дружескую переписку. 31 декабря 1967 г. он писал Н.И. Конраду: «По-прежнему много читаю. Вечерние часы посвящаю чтению романов, а днём читаю серьёзные книги по истории и по лингвистике»³⁴. Ученый охотно поддерживал контакты со своими японскими друзьями и коллегами: «Заходят французские друзья, навещают меня и японцы, когда они бывают проездом в Париже. Так, меня навестила Курода Тама, которую я знал ещё в 1911 г. в Токио, она теперь член Верхней Палаты. <...> Совсем недавно был у нас с визитом Н. Asano, директор Музея Изящных Искусств в Токио. Я его знал студентом, он на 6 лет моложе меня. От них узнаю, что творится в Токио и об общих знакомых...»³⁵.

Н.И. Конрад, ссылаясь на видевших С.Г. Елисеева в Париже московских коллег, писал, что они «рассказывают о нём (Елисееве – С.М.) хорошее: при всём нелёгком физическом состоянии он бодр, оживлён, охотно встречается с людьми. Хорошо говорят и о его сыновьях...»³⁶.

В архивах и библиотеках разных городов и стран сохранились письма Елисеева к Н.И. Конраду, О.В. Плетнеру, вдове В.М. Алексеева Наталье Михайловне Алексеевой, на основании которых удаётся отчасти установить, как учёный жил последние 18 лет своей жизни. Здесь мы считаем нужным полностью привести письмо С.Г. Елисеева к Н.И. Конраду от 23 августа 1966 г., т.к. это единственное доступное нам письмо из переписки между учёными. Оно не было опубликовано³⁷. «Дорогой Николай Иосифович, спасибо большое за Вашу интересную книгу “Запад и Восток”, которую получил в апреле месяце, когда моё здоровье сильно пошатнулось. В мае я себя стал чувствовать ещё хуже и почти не мог ходить даже на костылях. В самом начале июня меня в полусознательном состоянии свезли в госпиталь, где врачи сразу же определили острый и серьёзный припадок уремии. Два переливания крови и пять переливаний физиологического раствора восстановили нарушенный метаболизм. Месяц пролежал в госпитале. В начале июля вернулся домой.

Медленно поправляюсь, но врачи запретили ходить, даже на костылях, и я в кресле на колесиках переезжаю из комнаты в комнату. Последние три недели стал много читать. С большим интересом и несомненной пользой прочёл Ваши статьи в Вашей книге – “Запад и Восток”.

Прочёл много японских современных романов – как изменилась японская молодёжь после 1945 года!

Вера Петровна чувствует себя сносно, занята хозяйством и уходом за больным мужем – она моя сестра милосердия и ночная сиделка.

Никита, которого Вы знали совсем маленьким в Сеуле, со всей своей семьёй, у него трое детей, два мальчика и одна девочка, уехал окончательно из Дамаска и в этом году будет жить в Париже и раз или два в неделю будет ездить в Лион, где он получил место доцента по арабской истории в государственном Университете.

Вадим сейчас в отъезде, был в Риме, потом полетел в Гон-Конг³⁸, откуда слетал в Улан-Батор с миссией музейного отдела ЮНЕСКО. В середине августа он был в Японии, а сейчас в Сан-Франциско, чтобы принять участие в съезде музейных деятелей-востоковедов. В середине сентября он должен вернуться в Париж. Вот все мои новости. А как Ваше здоровье, дорогой Николай Иосифович? Как поживает Наталья Исаевна? Сердечный привет Вам обоим от Веры Петровны и меня.

Крепко и дружески жму Вашу руку. Искренне Ваш Сергей Елисеев»³⁹.

Заслуживают особого внимания и два неопубликованных письма О.В. Плетнера Н.И. Конраду из Кобэ, где много рассказывается о жизни С.Г. Елисеева в Париже. «От Сергея Григорьевича я вот уже года два не получаю (писем. – С.М.). Полагаю, что он вернулся во Францию и водворился на свою квартиру: 75 Bd. Pereire, Paris (17), где я у него когда-то давно ночевал... Кажется, он приобрел эту квартиру. Ума не приложу, почему он замолк, т.к. до сих пор мы с ним вели довольно регулярную переписку, и он частенько присылал мне разные книжицы из

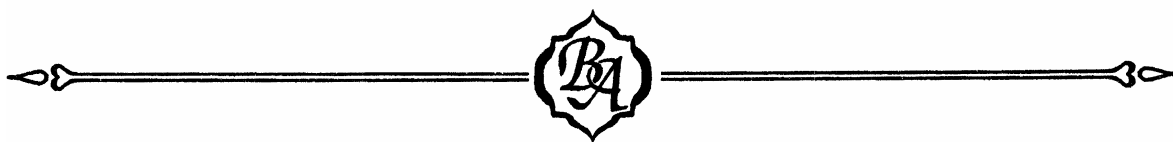
Франции и Америки. Когда он был в Японии (года три тому назад), мы виделись с ним довольно часто, и я даже два раза слышал его доклады (при случае напишу их оценку). Сергей Григорьевич в общем ещё очень бодрый (передают лишь, что за последнее время становится глуховат), но ведь ему уже за 70 лет, а Вере Петровне и того больше, но она чудесно сохранилась, только волосы с проседью (!), а глаза по-прежнему лучистые и устремлены восхищённо на супруга, который (*honni soit qui mal y pense*) (да устыдится тот, кто плохо об этом подумает. – С.М.) “всегда доволен сам собой”, конечно, начало этой строфы никакого отношения к чете Елисеевых не имеет, что явствует из сказанного мною о верной подруге Сергея Григорьевича. Впрочем, Сергею Григорьевичу есть с чего быть довольным самому собой: о нём можно сказать, что он “благолепно доживает свой век” (доживает даже как-то не вяжется с его “зелёным отрочеством”, как говорят французы). Сыновья его также восточники (один китаевед (искусство – керамика), другой арабист). Вадим и Никита уже составили себе кое-какое научное имя и отражённо Сергей Григорьевич стал “*le grand Elisseeff*”! Он выслужил пенсию в Харварде и \$-ы всегда годятся во Франции. Сына его Вадима, одно время бывшего заместителя Директора Франко-Японского института в Киото, я очень хорошо знаю, даже звал просто Вадимом по его же просьбе, он женат на очень милой даме, дочери видного французского учёного, состоит хранителем известного музея в Париже⁴⁰, живёт припеваючи на казённой квартире, но бездетен, но Никита подарил Сергею Григорьевичу и Вере Петровне внука... Так что Сергей Григорьевич у тихой пристани, и я очень рад за него...»⁴¹.

Вот второе письмо. «Недавно (после полугодового молчания) наконец-то на своё традиционное приветствие отцу и сыну Елисеевым (и, конечно, доброй Вере Петровне) получил довольно пространное письмо от *père-Elisseeff* (Елисеева-отца. – С.М.), в котором он винится в своём (необъяснённом) молчании и пишет мне “про дома сук”.

Оказывается, он вот уже два года, или почти два года, в Париже и теперь водворился в свою квартиру, адрес которой я Вам сообщил в предыдущем письме. Он будто бы возобновил свои две-три лекции в *École des Hautes Études* (Школа высших знаний. – С.М.) и избран членом-корреспондентом одной из академий. Здоровье у него завидное, не в пример нашему с Вами, но милая Вера Петровна (хотя она немного старше мужа) всё прихварывает... Я ему сообщаю о Вашем (неразборчиво) с ним (может быть, Вы ему уже написали?). Он меня спрашивает, читал ли я последний труд его французского коллеги *Nauguénaue* (Агеноэра. – С.М.) по японской лингвистике...»⁴².

Последние годы жизни С.Г. Елисеева, отягощённые болезнями и кончиной Веры Петровны (она умерла в доме на бульваре Перер 16 марта 1971 г.), были очень трагичны. После смерти супруги Сергей Григорьевич вёл жизнь затворника и умер в госпитале Бишар (*Bichar*) ранним воскресным утром 13 апреля 1975 г. в возрасте 86 лет. Сергей Григорьевич Елисеев, русский дворянин, французский гражданин, основатель американского японоведения, первый европеец – выпускник японского университета, упокоился на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа под Парижем возле супруги Веры Петровны. В 1997 г. с родителями был похоронен и старший сын Никита Сергеевич Елисеев.

Франция высоко оценила научные, педагогические и организаторские заслуги С.Г. Елисеева. Еще 12 февраля 1949 г. С.Г. Елисеев как гражданин Франции и востоковед мирового уровня был удостоен высшей награды государства – ордена Почётного легиона. К сожалению, во всех словарях и справочниках представлена ошибочная информация о том, что Елисеев был награждён орденом Почётного легиона в 1946 г. Мы получили информацию из Великой канцелярии кавалеров ордена Почётного легиона. С.Г. Елисеев стал кавалером этого ордена в номинации «Профессор факультета естественных и гуманитарных наук Гарвардского университета (США)». Помимо орде-

на Почётного легиона учёный был награждён французским орденом Академических пальм. С.Г. Елисеев также был избран почётным членом Французской школы дальневосточных исследований.

С.Г. Елисеев был удостоен и наград Японии. За распространение знаний о Японии в других странах мира, за основание научного японоведения в 1968 г. Елисеев стал одним из немногочисленных иностранных кавалеров ордена Священного сокровища 2-й степени. Одновременно с С.Г. Елисеевым этой награды были удостоены выдающийся советский японист Н.И. Конрад и русский японист из Японии О.В. Плетнер. Конрад написал Плетнеру 8 апреля 1969 г.: «...удивительна идея судьбы, приведшая к ордену всех нас троих, третий это – С[ергей] Г[ригорьевич] Елисеев»⁴³. Вот что сам С.Г. Елисеев писал о получении этого ордена О.В. Плетнеру 4 апреля 1969 г. «Позавчера был приём в японском посольстве. Я, к сожалению, из-за моей болезни (сох arthrose) не мог присутствовать, и орден “Священного сокровища” был передан Вадиму. Никита, который приехал из Лиона на пасхальные каникулы, присутствовал там и сказал мне, что посол Мацуи, передавая орден Вадиму, сказал очень приветливое слово. Орден 2-й степени, это уже звезда, которую носят сбоку в торжественных случаях. Я никак не ожидал такой высокой монаршей милости...»⁴⁴.

Немного позднее, в 1973 г., С.Г. Елисеев был удостоен первой награды Японского фонда (Nihon Kikin) в категории «Иностранные граждане, содействовавшие распространению знаний о Японии и японской культуре среди своих народов».

Примечания

¹ Первоначально Ш. Агеноэр должен был замещать С.Г. Елисеева до 31 мая 1936 г. Национальный архив Франции. F17/27834. Агеноэр Шарль (1896–1976) – ведущий французский японист, лингвист и этнолог. Ряд его работ посвящён Корее.

² Письмо С.Г.Елисеева В.М. Алексею от 3 марта 1936 г. Цит. по: Дьяконова Е.М. Письма С.Г. Елисеева к В.М. Алексею. 1933–1936 // С.Г. Елисеев и мировое японоведение (Россия, Япония, США, Франция, Вьетнам). М., 2000. С. 179–180.

³ Национальный архив Франции. F 17/27834.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Мацубара Сюнуи. Беседа с Елисеевым // Kangeijutsu. 1977 № 1. С. 142.

⁹ Национальный архив Франции. F 17/27834.

¹⁰ Там же.

¹¹ Ихара Сайкаку (настоящее имя Хираяма Того) (1642–1693) – японский писатель, поэт, драматург, прославленный мастер городской литературы XVII в. Основатель жанра японской прозы укиё-дзоси – «рассказы о суетной жизни». По своему содержанию укиё-дзоси означает рассказы о современных нравах и обычаях горожан.

¹² Рютэй Танэхико(1783–1842) (настоящее имя Такая Томохиса) – японский писатель. По происхождению самурай. Писал в разных жанрах. Переделывал драмы театра Кабуки в романы.

¹³ То же, что период Токугава.

¹⁴ Akamatsu P. Nécrologie. Serge Éliséeff (1889–1975) // Journal asiatique. T. CCLXIII, 1975. P. 209.

¹⁵ Архив РАН (далее – АРАН). Ф. 1675. Оп. 1. Ед. хр. 326. Л. 7.

¹⁶ Национальный архив Франции. F 17/27834.

¹⁷ Akamatsu P. Op. cit. P. 209.

¹⁸ Цит. по: Ермакова Л.М. Вести о Япон-острове в стародавней России и другое. М., 2005.

Речь идет о студенческих беспорядках в Париже, начавшихся в мае 1968 г. Согласно воспоминаниям Мацубара Сюнуи, Елисеев писал ему в это время в письме, что обрадовался этой «революции» // Мацубара Сюнуи. Указ.соч. С. 143.

¹⁹ Éliséeff S. The Chinese-Japanese Library of the Harvard-Yenching Institute at Harvard University // Harvard Library Bulletin X/1, 1956. P. 73-93.

²⁰ Éliséeff S. The Orthodox Church and the Russian Merchant Class. Some Personal Recollections // The Harvard Theological Review. Vol. XLIX/4. October, 1956. P. 185–205.

²¹ Hiroshige. Tokaido. Introduction et commentaries de Serge Éliséeff. Paris: Éditions du Crédit Lyonnais, 1960.

²² Japon. Peintures anciennes de l'art bouddhique. Préface: S. Éliséeff. Introduction: Takaaki Matsushita. Paris – New York, 1959 (Collection UNESCO de l'Art mondial. N 11).

²³ *Éliséeff S.* The Reverend Antoine Mostaert, C.I.C.M. (suivi de "Bibliography of the Publications of the Reverend Mostaert, C.I.C.V.") // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Vol. 19, June 1956, 1–2. P. V–XIV. Мостэр Антуан (1881–1971) – выдающийся бельгийский и американский филолог, один из крупнейших монголоведов, миссионер. Работал во Внутренней Монголии и в Пекине, где собирал монгольский фольклор и переводил с китайского на монгольский католические тексты. Печатался в «*Harvard Journal of Asiatic Studies*» у Елисеева. Издал ряд книг по языку и фольклору Внутренней Монголии.

²⁴ *Éliséeff S.* Littérature japonaise // *Histoire générale des littératures*. Quillet, 1961. Vol. I. P. 477–494 et 816–836; vol. II. P. 545–560; vol. III. P. 667–682 et 833–836, ill.

²⁵ Нацумэ Сосэки (настоящее имя Нацумэ Кинноскэ) (1867–1916) – крупнейший японский писатель, один из основоположников современной японской литературы. В Японии считается величайшим писателем в современной японской истории, оказавшим заметное влияние практически на всех последующих авторов. Окончил Токийский императорский университет по специальности английская литература и три года совершенствовался в Великобритании. Был профессором английской литературы в Токийском императорском университете.

²⁶ Нагаи Кафу (настоящее имя Нагаи Сокити) (1879–1959) – японский писатель, драматург и мемуарист. Представитель так называемой школы эстетов в японской литературе. Член Японской академии искусств. Учился на отделении китайского языка школы иностранных языков в Токио, но не окончил её. Начал печатать первые короткие рассказы в 1900 г., работал репортёром. Несколько лет учился и работал в США, посетил Францию и Великобританию.

²⁷ Уэда Маннэн – крупнейший японский филолог, составитель Большого иероглифического словаря 1937 года. Преподавал в Токийском императорском университете.

²⁸ *G.W.B. Serge Elisséeff* (1889–1975) // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Vol. 35, 1975. P. 13.

²⁹ *Kurata Yasuo.* Eriseefu no shougai nihongakuno shiso. Жизнь С. Елисеева. Токио, 1997; *Kurata Yasuo.* Natsume soseki to Japanology densetsu. Нацумэ Сосэки и легенда японоведения. Токио, 2007.

³⁰ *Садатака Мурамацу.* Воспоминания // Гакуэн. Токио, 1964. С. 37–39.

³¹ Письмо О.В. Плетнера Н.И. Конраду от 8 января 1959 г. АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Ед. хр. 326. Л. 7.

³² Цит по: *Ермакова Л.М.* Указ. соч. С. 250.

³³ Письмо С.Г. Елисеева Н.И. Конраду от 23 августа 1966 г. АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Ед. хр. 304.

³⁴ Цит. по: *Ермакова Л.М.* Указ. соч. С. 255.

³⁵ Письмо С.Г. Елисеева О.В. Плетнеру от 28 ноября 1966 г. Цит. по: *Ермакова Л.М.* Указ. соч. С. 253.

³⁶ Письмо Н.И. Конрада О.В. Плетнеру от 4 февраля 1968 г. Цит. по: *Ермакова Л.М.* Указ. соч. С. 257.

³⁷ Все неопубликованные письма приводятся в современной орфографии и пунктуации.

³⁸ Правильно Гонконг.

³⁹ Письмо С.Г. Елисеева Н.И. Конраду от 23 августа 1966 г. АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Ед. хр. 304.

⁴⁰ Музей китайского и японского искусства Чернуски.

⁴¹ Письмо О.В. Плетнера Н.И. Конраду от июня (число отсутствует. – С.М.) 1958 г. АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Ед. хр. 326. Л. 3.

⁴² Письмо О.В. Плетнера Н.И. Конраду от 8 января 1959 г. АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Ед. хр. 326. Л. 7.

⁴³ Цит. по: *Ермакова Л.М.* Указ. соч. С. 262.

⁴⁴ Цит. по: *Ермакова Л.М.* Указ. соч. С. 261.

